

Владелец рамэнной был явно хорошо знаком с Сакураги. Увидев, что тот вошел, он приветливо улыбнулся:

— Сакураги, после уроков? Как обычно, большую порцию рамэна и добавку мяса?

Сакураги радостно ответил:

— Именно! Дядь, а ты не думал сбрить эту бороду?

Хозяин потер подбородок и ухмыльнулся:

— Да вот, подумывал сменить имидж, но решил еще пару дней походить так.

Сакураги бросил сумку и уселся на стул:

— Ну и вкусы у тебя, дядь, странные.

В этот момент за дверью послышался шум: Рукава припарковал велосипед, приподнял полог и вошел внутрь. Хозяин уже было собрался его поприветствовать, но Сакураги махнул рукой:

— Подай ему то же самое, что и мне.

— О, это твой друг, Сакураги? Ладно, сейчас сделаю.

Сакураги вытянул шею и крикнул на кухню:

— Он мне не друг! Не путай, дядь!

Голос хозяина донесся из глубины помещения:

— Ладно, понял, понял! Ему тоже порцию с двойным мясом.

Рукава сел, перекинул лямку сумки через голову, положил ее рядом и огляделся. Сакураги, вернувшись после мытья рук, с недоумением спросил:

— Лис, чего ты такой растерянный? Будто в рамэнной первый раз.

— По правде говоря, я здесь почти не бываю.

Сакураги внезапно заинтересовался:

— А что, обычно дома ешь?

— Да, мама готовит. Или... — Рукава осекся.

Сакураги, будучи человеком прямолинейным, не придавал этому значения:

— Тогда почему сегодня решил пойти поесть со мной?

— Мама уехала на несколько дней.

Сакураги впервые видел, чтобы Рукава вел себя как обычный школьник, и ему это показалось забавным. Он продолжил расспросы:

— Готовить не умеешь?

— Нет.

— И даже не знаешь, где можно поесть?

— Я редко ем вне дома.

Сакураги едва сдерживал смех. Кто бы мог подумать, что этот вечно заносчивый Рукава Каэдэ в жизни — маменькин сынок. Какой неожиданный контраст.

Сакураги ел с аппетитом. Он любил, когда еда горячая, и, громко прихлебывая, быстро вспотел, получая от этого огромное удовольствие. Рукава же ел настолько чинно, что это даже раздражало: подцепит палочками пару лапшинок, откусит, прожует, проглотит — и так по кругу. Никакого следа от его решительного, агрессивного стиля игры.

Сакураги, проглотив добрую половину чашки, поднял голову и, увидев эту картину, чуть не выругался. Рукава ел так, словно рамэн был отвратителен на вкус, а для Сакураги, который его сюда привел, это было почти личным оскорблением.

Впрочем, присмотревшись, он заметил, что Рукава ест очень сосредоточенно, просто медленно. На его лице не было ни тени пренебрежения, напротив, Сакураги показалось, что даже по этой невозмутимой маске можно прочитать, что парню нравится еда.

Сакураги пробормотал себе под нос:

— Ну ладно, хоть разбираешься в толке, — и снова уткнулся в чашку, громко прихлебывая.

Наевшись, Сакураги пребывал в отличном настроении. Даже Рукава перестал его так сильно раздражать, и он терпеливо дождался, пока тот выкатит велосипед с парковки.

Рукава огляделся по сторонам, и Сакураги, прищурившись, с долей презрения бросил:

— Эй, Лис, ты что, дорогу домой забыл? — и тут же сам напрягся, словно перед лицом врага: —

Сразу говорю, я тебя провожать не буду, даже не надейся!

Рукава, держась за руль, посмотрел на Сакураги как на идиота:

— Ты думаешь, я такой же болван, как ты? — после чего запрыгнул на велосипед и уехал.

Сакураги топнул ногой:

— Это кто еще здесь болван?! Кто просил меня показать ему кафе? Глупый лис!

Когда Рукава подошел к дверям раздевалки баскетбольной команды и собрался войти, он услышал крики Сакураги:

— Ай! Тише! Не там! Я же сказал, не там! Больно! Ты вообще умеешь или нет?!

Затем последовал голос Мицуи:

— Меньше болтай! Не дергайся!

Сердце Рукавы сжалось, и он с силой распахнул дверь. Внутри было несколько человек, а Сакураги, с голым торсом, лежал лицом к шкафчикам. Мицуи как раз приклеивал ему на спину спортивный тейп. От резкого звука открывшейся двери все обернулись.

— А, это ты, Рукава, напугал, — сказал Мицуи. — Давай быстрее, не крутись, нам скоро тренироваться!

— Знаю я, Митти! Это ты вечно клеишь неправильно, а потом на меня сваливаешь, — обиженно протянул Сакураги.

Рукава лишь мельком взглянул на них и, больше не глядя в ту сторону, переоделся и вышел.

Тренировка шла своим чередом, с той лишь разницей, что нагрузку Сакураги постепенно увеличивали, и он даже начал ненадолго участвовать в двусторонних играх. Однако тренер Андзай не разрешал ему играть долго, и каждый раз Сакураги приходилось уговаривать, чтобы он ушел с площадки.

После тренировки, как обычно, остались только Сакураги и Рукава — практиковать броски. Из-за ограниченных нагрузок прогресс Сакураги шел медленно, и процент попаданий рос не так быстро, как ему хотелось. Зато у Рукавы мяч все реже касался дужки кольца, что начало раздражать Сакураги.

Ему казалось, что он карабкается на гору: вершина вроде бы близко, но он вдруг оступается, скатывается в долину и вынужден начинать всё сначала. Хуже того, сама вершина словно отдалялась от него. Даже такой прямолинейный человек, как Сакураги, не мог сдержать

эмоций.

В очередной раз промахнувшись, он пришел в ярость. Сакураги с силой швырнул мяч в пол и присел на корточки, уткнувшись головой в колени.

Тук-тук-тук. Сакураги услышал шаги, затем перед его глазами возникли кроссовки, и сверху раздался голос Рукавы:

— Ну что, болван, уже не выдерживаешь?

Сакураги, словно ошпаренный, вскочил на ноги, оказавшись лицом к лицу с Рукавой. Он уже хотел было взорваться, но вдруг сдулся, как проколотый шарик, и горько усмехнулся:

— И что мне толку злиться на тебя? Даже если я тебя побью, мастерства мне это не прибавит.

Сакураги хотел уйти, но Рукава схватил его за запястье и потянул обратно, заставляя смотреть себе в глаза:

— Болван, ты статистику вел?

Сакураги не знал, отчего сердце забилось так бешено — оттого, что Рукава смотрел на него в упор, или оттого, что тот держал его за руку.

— Какую... какую статистику?

— Ну конечно, ты же болван, откуда тебе об этом думать, — в глазах Рукавы блеснул холодный свет. Он вздохнул и продолжил: — Ладно. Твой процент попаданий: в первый день было полтора мяча из десяти, сегодня — три с половиной. Прогресс очевиден.

Глаза Сакураги округлились:

— Ты... ты о чем?

— Мне повторить?

Сакураги чувствовал себя крайне странно. Не знал, что его поразило больше: эти цифры или то, что Рукава за ним наблюдал. Его это даже напугало.

— Лис, откуда ты знаешь? — осторожно спросил он.

— Дурак, это сложно? Достаточно немного повнимательнее смотреть. Слушай, техника у тебя уже в порядке, нужно время, чтобы она закрепилась. Если у тебя нет терпения, всё, о чем ты мечтаешь — просто грезы.

Сакураги был ошеломлен. Во время бросков он был настолько сосредоточен на движениях и силе, что не мог отвлечься на подсчеты. И он никак не ожидал, что этот парень, который только и делает, что кидает трехочковые, наблюдал за ним.

— Лис, ты...

Рукава разжал руку, поправил напульсник и пошел собирать мячи — свои и те, что разбросал Сакураги, — складывая их в корзину.

— Болван, ты слишком напряжен. Расслабься, куда ты так спешишь?

Сказав это, он вышел из зала. Сакураги остался стоять в одиночестве.

Чего я так напрягаюсь? И правда, чего? У меня должно быть еще полно времени, но я так спешу. Надо подумать, чего я так боюсь не успеть.

Погруженный в свои мысли, он не спеша направился в раздевалку. Когда он вошел, Рукава уже переоделся и закрывал шкафчик. Сакураги посмотрел на него, отвел взгляд и пошел к своему шкафу. Он снял верх, и как раз в тот момент, когда натягивал футболку через голову, почувствовал на спине чью-то ладонь. Он застыл.

— Лис, ты что творишь?! — Сакураги сорвал футболку с головы и, обернувшись, рывкнул на Рукаву.

Рукава, видя, что тот пытается повернуться, прижал его второй рукой к шкафчику, не давая пошевелиться. Сакураги не понимал, что происходит, но был в ярости. Однако, прежде чем он успел начать скандал, он почувствовал, как Рукава отклеивает тейп с его спины.

— Болван, ты не знал, что после тренировки тейп нужно снимать? Если долго носить, будет раздражение, в следующий раз не сможешь наклеить. Ты совсем дурак? — холодно бросил Рукава.

Сакураги об этом даже не подумал. Он был прижат к дверце шкафа и только бурчал:

— Эта штука на спине, я не вижу, вот и забываю постоянно.

Рукава отклеивал очень медленно, по направлению роста волос. Сакураги удивился:

— Когда Митти днем клеил, а потом переделывал, мне было ужасно больно. Почему сейчас вообще ничего не чувствую?

— Потому что старшекурсник — такой же болван, — отрезал Рукава.

Сакураги послушно замер. Рукава, видя, что он не сопротивляется, отпустил его, действуя

обеими руками, чтобы закончить быстрее. Сакураги ворчал себе под нос:

— Зачем вообще это нужно? Только морока, неудобно.

— Идиот, это внешняя поддержка, снижает нагрузку на суставы. Для такого травмированного, как ты, это помогает уменьшить боль. Врач тебе не говорил? — Рукава объяснял это самым холодным тоном, на который был способен.

Сакураги от скуки начал рисовать круги на дверце шкафа:

— Врач что-то говорила, но так долго, что я ничего не запомнил. А на спине я сам не могу приклеить, вот и не хочу пользоваться.

— Просто запомни, что это тебе полезно. Не забывай клеить перед тренировкой. Всё, готово.

Рукава убрал руку со спины Сакураги. Тот вдруг почувствовал, что ладонь у Рукавы была сухой и теплой. Эта мысль заставила его вздрогнуть.

Что я такое несу, противно даже.

Мама Рукавы, по-видимому, вернулась, поэтому сегодня он не стал предлагать Сакураги поужинать вместе. Запрыгнув на велосипед, он вдруг обернулся и бросил Сакураги, который шел, размахивая руками:

— Болван, если в следующий раз не наклеишь тейп перед игрой — убью!

Сакураги сверкнул глазами:

— Нудли!

Рукава отвернулся, глядя вперед, и добавил:

— Если нужна будет помощь — обращайся.

С этими словами он нажал на педали и уехал.

<http://bllate.org/book/21490/2200168>